

Первый генерал-губернатор Кавказской области князь Пётр Горчаков однажды в сердцах воскликнул: «Кавказ - это не губерния, а семейная ссора! ». С тех пор прошло без малого двести лет, но ничего не изменилось. Северный Кавказ, перестав, наконец, ссориться со всей остальной Россией, вернулся к милым сердцу внутренним склокам.

На сей раз в эпицентре их оказался глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров, который вот уже несколько месяцев подвергается массовой информационной атаке. Очередной залп на днях нанесло интернет-издание «The Moscow Post», опубликовав материал под пафосным названием «Ингушский народ объявил войну коррупции!». Антигероем публикации, разумеется, является Евкуров. В чём только не обвиняет его автор материала, некий Олег Молотов! Глава Ингушетии, оказывается, лично виновен в разгуле коррупции, в «распилах» республиканских активов, в реализации бесполезных и дорогостоящих проектов, а также, разумеется, в «краже у народа прямых выборов».

В публицистическом раже журналист, подписавшийся фамилией слишком звучной для того, чтобы быть настоящей, договорился даже до предположения, что Евкуров на выручку от ворованной (видимо, тоже лично им) нефти финансирует террористов. Вряд ли стоит подробно анализировать материал «The Moscow Post». Тем более что он переполнен пассажами вроде «по слухам», «поговаривают», «складывается ощущение», «если верить информации» и тому подобными оговорками, которые для любого знающего человека являются прямыми признаками «заказухи». Гораздо интереснее проанализировать личности тех людей, на высказывания которых опирается автор в своей статье. Это члены так называемого «Всеингушского гражданского совета» (ВГС) - аналога российского Координационного совета оппозиции.

В последнее время заявлениями членов ВГС переполнены СМИ и интернет. Страсть, с которой оппозиционеры атакуют Евкурова, поражает не только своей глубиной, но и спонтанностью. Во времена правления в республике Мурата Зязикова о ВГС ничего не было слышно, хотя ситуация в Ингушетии при Зязикове была вряд ли лучше, чем при Евкурове. А потом словно кто-то дал команду: «Фас!» - и оппозиционеры наперегонки кинулись протестовать и обличать. Одна из особенностей кавказской ментальности заключается в том, что здесь зачастую не столь важно, что говорят, как то, кто именно говорит. С этой точки зрения полезно присмотреться к ключевым фигурам нынешнего ВГС. Республика ведь небольшая, все на виду, и флёр оппозиционного политика

скрывает далеко не все подробности частной жизни. Итак, наиболее востребованный сегодня оппозиционер - лидер ингушского «Яблока» Дауд Гаракоев, которого не раз цитировала «The Moscow Post». Жаль только, что автор публикации не упомянул, что Дауд Султанович до своего прихода в политику был неоднократно судим, и отбывал наказания отнюдь не в ранге «узника совести». Освободившись в последний раз, Гаракоев через родственников обратился к клану Зязикова с просьбой «встроить» его во власть. Гаракоеву порадили: сделали лидером регионального «Яблока», вытеснив с этого поста молодого энергичного Заурбека Мальсагова. Самое пикантное, что на момент своего прихода на пост главного «яблочника» Гаракоев уже числился секретарём республиканского политсовета... «Справедливой России», куда его запихнули его в качестве подстраховки. Ещё один видный лидер оппозиции - бывший начальник Управления президента республики по работе с обращениями граждан Зелимхан Хаутиев. О «подвигах» этого человека на ниве коррупции в Ингушетии известно многим. Особенно Хаутиев прославился своим талантом за скромные суммы (от 30 до 50 тысяч долларов) «закрывать» уголовные дела по многочисленным фактам хищений бюджетных средств, которые имели место в период правления Зязикова.

Так было с делом 2003 года о десятках миллионов рублей якобы потраченных на берегоукрепительные сооружения и бурение разведочных скважин: эти деньги растворились в недрах республиканского управления по природным ресурсам и недропользованию. По той же схеме Хаутиев вывел из-под удара руководителей Фонда соцстрахования, ГУП «Кавдомит», департамента занятости и других ведомств, где отмывались огромные средства. За это Хаутиев не раз удостоивался личной благодарности Зязикова, а дочь «мастера по закрыванию» была назначена помощником министра труда и социального развития. Можно было бы проанализировать биографии и других, менее значимых деятелей ВГС, но, кажется, в этом нет необходимости. По большей части это тоже люди, которым хорошо жилось при Зязикове, когда республиканский бюджет «пилился» уже пополам, и не очень хорошо - при Евкурове, который сегодня пытается прекратить чудовищное казнокрадство. Кроме того, все эти новоявленные «оппозиционеры» - всего лишь статисты, их цели и задачи - тактические. Какова же стратегическая цель информационной войны против нынешнего руководства Ингушетии? Эту цель чётко обозначил один из идеологов оппозиционного движения, член ревизионистской общественной организации «Нийсхо», вечный диссидент Исса Кодзоев: «Наша организация выступает за национальную справедливость. Самая главная проблема, которую мы поднимаем - это территориальный вопрос. Потому что от исконной ингушской территории остался один пятачок. Я считаю, что нынешнее территориальное определение муниципальных образований сделано вразрез с интересами ингушского народа». Вот она, ключевая причина очередной «семейной ссоры»! Атака на Евкурова - всего лишь артподготовка.

Главная цель - раскачать ситуацию в Ингушетии, спровоцировать открытый конфликт и прийти к власти на волне протеста. Надо отметить, что территориальный вопрос на

Северном Кавказе всегда был острым. Особенно это касается Малгобекского и Сунженского районов, которые при разделе Чечено-Ингушетии вошли в состав республики Ингушетия. Чеченская сторона не согласна с этим, апеллируя к тому факту, что с 1929 по 1934 годы Сунженский район находился в составе Чечни. Ингушская сторона опирается на итоги национального размежевания 20-х годов прошлого века, когда из Горской Автономной Советской Социалистической Республики были выделены автономные области: в 1922 году - Кабардинская (Кабардино-Балкарская), Карачаево-Черкесская, Чеченская- в 1924-м - Северо-Осетинская и Ингушская. На тот момент ни Малгобежский, ни Сунженский районы не входили в состав Чеченской автономной области. Чем больше муссируется этот вопрос, тем больше он запутывается. Так, например, если исходить из межевания 1934 года, Чечня, приобретая Сунженский район, «теряет» взамен Наурский и Шелковской районы, присоединенные к Чечено-Ингушетии в 1957 году. Последний передел произошёл в 1993 году, когда президенты Джохар Дудаев и Руслан Аушев подписали «Соглашение о пересмотре границ Чеченской республики Ичкерия и Ингушетии». Аушев тогда пошёл на уступки, и стороны договорились считать справедливым именно межевание 1934 года. После подписания договора в состав Чечни вошли несколько ингушских станиц, в том числе Серноводская и Ассиновская. Несмотря на возмущение этим в Ингушетии, договор Дудаева-Аушева был признан федеральным центром, а через 10 лет подтверждён уже Муратом Зязиковым и Ахмадом Кадыровым. С тех пор федеральная власть стремится сохранить имеющийся статус-кво. Однако ревизионисты с обеих сторон нагнетают ситуацию, призывая к пересмотру границ между Чечнёй и Ингушетией. Более того, сегодня в Ингушетии раздаются призывы не только не отдать Малгобекский и Сунженский районы, но также вернуть в состав республики Серноводск, Ассиновскую и Бамут. Кое-кто уже озвучивает притязания на Галанчожский, Ачхой-Мартановский, Итум-Калинский и часть Урус-Мартановского района. Об этом, в частности, говорится в обращениях таких радикальных организаций, как «Мехк-Кхел», примыкающих к «Всеингушскому гражданскому совету». С чеченской стороны тоже хватает желающих пересмотреть границы. Самое печальное то, что в последнее время в эту полемику оказались втянутыми и два президента - Рамзан Кадыров и Юнус-Бек Евкуров. Но если для Кадырова территориальные дискуссии - всего лишь ещё один повод пропиариться на федеральном уровне, то Евкурову сегодня труднее: ему приходится проводить реформы при активном сопротивлении сторонников Зязикова, объединённых в крепкие кланы. И как всегда, находится масса желающих подогреть «семейную ссору» извне - от исламских радикалов до иностранных «агентов влияния». С этой точки зрения к числу «агентов» можно причислять и ингушскую оппозицию в виде ВГС. Нападки на Евкурова - это попытки нарушить хрупкий баланс на Северном Кавказе, который недавно хорошо охарактеризовал политический обозреватель РИА «Новости» Вадим Дубнов: «Чечня в отношениях с центром по-прежнему занимает наступательную позицию, Назрань по-прежнему пытается себя сохранить». Вот это единственное возможное для Ингушетии «сохранение себя», как раз, в интересах федерального центра. Москва исходит из той позиции, что любой территориальный передел на Северном Кавказе сегодня чреват взрывом.

Такова позиция и многих видных аналитиков. Например, эксперт Московского центра Карнеги Алексей Малашенко пишет: «Любое передвижение границ там опасно, это вызовет обострение ситуации. Центр должен в этой ситуации вести себя очень жестко, это ведь внутренние границы России». С этим тезисом трудно спорить. «Семейная ссора» всё чаще выплёскивается в публичное пространство и, похоже, настал момент раз и навсегда расставить все точки над «и», а заодно осадить так называемых «оппозиционеров», которые в своём стремлении вернуть привилегии готовы идти на любые провокации. Как бы кто лично ни относился к Юнус-Беку Евкурову, в сложившейся ситуации он - именно тот руководитель, который нужен Ингушетии.

И дело даже не в том, что за период его руководства республика достигла явных успехов в социально-экономическом развитии. Евкуров доказал, что может эффективно руководить, невзирая на острейшие противоречия между элитами. Он демонстрирует открытость для диалога, стремление к разумным компромиссам. Но в то же время Евкуров способен - там, где нет иного выбора - на волевые, жёсткие решения. Если его предшественники заботились лишь о том, чтобы монополизировать власть внутри собственных кланов, Евкуров стремится выстроить баланс интересов и тем самым достичь общественной стабильности, не оказывая никому явного предпочтения. Это и раздражает его политических оппонентов, которые пытаются вернуть Ингушетию к феодально-клановой системе.